

DOI 10.26105/SSPU.2023.82.1.018

УДК 930 (85)

ББК 60.55.0я7

М.К. ЧУРКИН,
К.А. ЧУРКИН**ПРАКТИКИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
КРЕСТЬЯНСТВА В КОНТЕКСТЕ АГРАРНО-
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ В РЕЦЕПЦИИ А.А. КАУФМАНА**М.К. CHURKIN,
К.А. CHURKIN**LAND-USE PRACTICES
OF THE PEASANTRY IN THE CONTEXT
OF THE AGRARIAN-ECOLOGICAL
ENVIRONMENT OF WESTERN SIBERIA
IN THE RECEPTION OF A.A. KAUFMAN**

В статье раскрываются представления российского экономиста и статистика А.А. Кауфмана о практиках землепользования крестьянства в условиях аграрно-экологической среды Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. «Площадками» репрезентации авторской рецепции вопроса выступили его научно-исследовательские труды: монографии, очерки, публицистические заметки, отразившие контекстуальные и предметные сюжеты, связанные с организацией производственной деятельности крестьян в земледельческих местностях Западной Сибири. Установлено, что объективным фоном выбора крестьянством форм земледелия, набора приёмов, методов и орудий обработки пашни, являлись общие условия переселенческого процесса, включённость в него государственных и общественных структур, природно-экологические условия региона водворения. Учёт данных обстоятельств и глубокая профессиональная интеграция А.А. Кауфмана в поле решения аграрного вопроса в России и Сибири, создала предпосылки для моделирования адекватных возможностям крестьянства и региона сценариев организации земледелия в колонизируемых районах Зауралья.

The article reveals the ideas of the Russian economist and statistician A.A. Kaufman about the land use practices of the peasantry in the conditions of the agrarian-ecological environment of Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries. The "platforms" for the representation of the author's perception of the issue were his research works: monographs, essays, journalistic notes, reflecting the contextual and substantive plots related to the organization of the production activities of peasants in the agricultural areas of Western Siberia. It has been established that the objective background for the peasantry's choice of forms of arable farming, a set of techniques, methods and tools for processing arable land, were the general conditions of the resettlement process, the involvement of state and public structures in it, the natural and environmental conditions of the region of residence. Accounting for these circumstances and deep professional integration of A.A. Kaufman in the field of solving the agrarian issue in Russia and Siberia, created the prerequisites for modeling scenarios for the organization of agriculture in the colonized areas of the Trans-Urals, adequate to the capabilities of the peasantry and the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А.А. Кауфман, агрикультурные практики, Западная Сибирь, переселенческое движения, репрезентации, рецепция

KEY WORDS: A.A. Kaufman, agricultural practices, Western Siberia, migration movements, representations, reception

ВВЕДЕНИЕ. Во второй половине XIX — начале XX вв., вследствие серии либеральных реформ, и, прежде всего, освобождения крестьян от крепостной зависимости, сложились объективные предпосылки для эскалации миграционной подвижности населения, рельефно проявившейся в среде крестьянства, ставшего главным субъектом аграрной колонизации восточных окраин империи.

В отечественной историографии, сюжеты, иллюстрирующие причины, ход и результаты аграрного освоения Зауралья, традиционно рассматривались в аспекте признания неразрывной связи масштабов переселенческого движения и аграрно-экологического кризиса Центра Российской империи, традиционных практик крестьянской организации землепользования в местах выхода на переселения, а также трансляции и воспроизводства / эволюции этого опыта в обстоятельствах водворения и обустройства землепашцев в губерниях Западной Сибири, как регионе, максимально востребованном для сельскохозяйственных занятий [1]; [12]; [13]; [14].

Важно отметить, что переселенческое дело и его коннотации, в частности, агрикультурное землепользование крестьян в азиатской части империи, в исследуемый период находилось в фокусе пристального внимания не только центральной и региональной администраций, но и широкого круга имперских экспертов, к числу которых принадлежали видные представители российской экономической науки (Ф. Бар, А.А. Исаев, А.С. Ермолов, В.П. Воронцов, И.А. Ямзин, В.П. Вошинин и др.), по-разному оценивавшие экономический эффект переселений как для самих крестьян, так и для народно-хозяйственного развития страны в целом. Оптимистически настроенные исследователи видели в переселенческом движении источник модернизации сибирского землепользования, полагая, что выходцы из Европейской России являются носителями новой агрономической культуры, с внедрением которой будут вытеснены архаичные формы и методы ведения старожильческого хозяйства [15]. Пессимисты воспринимали аграрные миграции как способ сохранения крестьянами-переселенцами своей сословной принадлежности, что выражалось в простом переносе моделей экономической деятельности в сибирские условия и консервации традиционного хозяйственного уклада [2]. Вместе с тем, часть экономистов демонстрировала более сложный вариант рефлексии ситуации в аграрном секторе экономики России в обстоятельствах колонизации периферийных пространств империи, не только констатируя и объясняя сложившуюся ситуацию в сибирском землепользовании, но и предлагая адекватные экономическим условиям модели организации агрикультурных практик в специфических рамках природно-географической среды принимающих регионов.

К числу таких авторов может быть отнесён выдающийся российский экономист и статистик А.А. Кауфман, представлявший собой, на наш взгляд, идеальный тип специалиста в сфере крестьянских переселений и аграрного производства и удачно совмещавший в своей деятельности функции имперского чиновника (служба в Министерстве государственных имуществ) и эксперта, непосредственного участника колонизационного дела в области народных миграций и крестьянского поземельного устройства. Результатом участия А.А. Кауфмана в специализированных экспедициях стало введение им в научный оборот понятия «относительное малоземелье», которое может быть преодолено только кардинальным сломом экстенсивной системы земледелия и неустранимо паллиативными средствами (переселения, передел земли). Избранная А.А. Кауфманом позиция отстаивалась им на протяжении всего периода научно-исследовательской биографии и транслировалась автором на страницах монографий, отдельных очерков, публикаций в журнальной прессе.

Осмысление персонального опыта А.А. Кауфмана, направленного на моделирование эффективных практик крестьянского землепользования и природопользования в сибирских условиях, выступая целью настоящего исследования, представляется актуальным

в научном отношении, поскольку создает необходимые предпосылки для прочтения и раскрытия содержания отечественного дискурса аграрной колонизации восточных окраин, что открывает широкие исследовательские перспективы в конструировании коммуникативного пространства действия субъектов колонизации Азиатской России: крестьянства, чиновничества, научного сообщества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Источниками настоящего исследования выступают произведения А.А. Кауфмана, запечатлевшие представления части российских либеральных экономистов о практиках крестьянского землепользования в контекстных обстоятельствах аграрно-экологической среды Западной Сибири. В виду того, что в своих трудах А.А. Кауфман не ограничивался констатацией положения вещей в описании крестьянского земледелия в различных местностях Западной Сибири, рецептурно формулируя перспективу развития землепользования в регионе, логичной представляется деконструкция авторского дискурса с целью выявления основных структурных элементов предлагаемой им модели организации земледельческих практик в корреляции с природными и экологическими вызовами того или иного ареала региона аграрной колонизации. В качестве таких структурных элементов, нами было выделено следующее: переселенческое движение в Сибирь, его текущее состояние и перспективы, как социокультурный контекст аграрной колонизации, внедрения, распространения и эволюции земледельческих практик; организация полеводства и способов севооборота в условиях сибирской природы (почвы и климата); потенциал агрикультурных действий и агрономической помощи в формировании эффективных и экологосообразных систем землепользования в регионе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Рецепция А.А. Кауфманом практик крестьянского землепользования в аграрных районах Западной Сибири неразрывно связана с глубокой аналитической оценкой причин выселения профессиональных землепашцев за пределы мест постоянного проживания в Европейской России. Отвергая распространённые в российской публицистике рассуждения о природной склонности русского крестьянства к подвижности и бродяжничеству [10, с. 42]; [11, с. 318], А.А. Кауфман в равной степени считал слабо аргументированным и тезис о безземелье и малоземелье крестьян в районах традиционного землепашества, констатируя, что потребность в миграциях связана с невозможностью вести пахотное хозяйство старыми экстенсивными способами [5, с. 7]. По мнению Кауфмана, основанном на результатах собственных статистических исследований и выводах коллег — специалистов в аграрно-переселенческом вопросе (Григорьев В.Н. и др.), доля безземельных и малоземельных в переселенческом процессе в целом по империи была невелика и не превышала 21% [7, с. 32], что объясняется переходом данной категории сельских жителей к иным, неземледельческим типам экономической деятельности. Остальная масса потенциальных мигрантов прирастала за счёт крестьянства, чей род занятий был связан только с земледелием, а условия местности проживания ограничивали возможности земледельческих промыслов и практически полностью исключали внеземледельческие занятия, в виду того, что в районах пахотного земледелия они не были востребованы [5, с. 12]. По логике А.А. Кауфмана, крестьянство в зоне максимального доминирования земледельческих практик переживало критический момент замены пестрополя или безнавозного парового хозяйства навозным трехпольем и этот переход происходил в условиях увеличения численности населения. Достижение экономического успеха или, по крайней мере, поддержание стабильности хозяйства в сочетании названных факторов было возможно только при условии выбора одной из двух стратегий: повышения интенсивности земледельческого производства или переселения на новые места [5, с. 12].

Симптоматичными представляются умозаключения А.А. Кауфмана о способах землепользования переселенческого элемента в сибирских условиях, резко диссонирующих с радужными ожиданиями большинства экспертов (Н.М. Ядринцев, В.Н. Григорьев и др.), маркировавших российскую культуру земледелия как безусловно передовую по отношению к традиционным сибирским способам земледелия. Кауфман сделал вывод, в соответствии с которым переселенческое крестьянское хозяйство в Сибири подверглось регрессивной ломке, что выразилось в почти повсеместном принятии моделей землепользования распространённых в старожильской среде. В связи с чем, А.А. Кауфман констатировал: «на родине, чтобы побудить население перейти к высшей культуре, — «власти земли» нужно было бы опираться на союзников в лице знания и капитала; чтобы сделать шаг назад, вернуться к экстенсивному, залежному хозяйству, нет нужды ни в том, ни в другом, а потому этот шаг совершается без всякого затруднения» [5, с. 17].

Предваряя свои рассуждения и выводы относительно земледельческих практик крестьянства, А.А. Кауфман рассматривал в качестве фона данного процесса — государственное регулирование переселенческого движения, начавшееся, по сути, только с момента строительства Транссибирской магистрали и организационной деятельности Комитета Сибирской железной дороги (1892 г.) [5, с. 34–35]. В связи с этим обстоятельством, как полагал А.А. Кауфман, в среде переселенческих экспертов, долгое время господствовало заблуждение о безграничности колониационного фонда Азиатской России, что укрепляло непосредственных субъектов аграрной колонизации в возможности консервации российских земледельческих приёмов обработки пашни, уверенности в том, что земельный простор будет сопутствовать и переселенцам последующий поколений. Данная ситуация тормозила внедрение новых земледельческих технологий, освобождала крестьян от обязанности учитывать конкретные местные условия землепользования, правильно осуществлять выбор места под пашню, способствовать сохранению её плодородия.

Подобное заблуждение, по мысли А.А. Кауфмана, сложилось во многом под влиянием успехов первых переселенцев, оказавшихся в Западной Сибири в 1860-х-1870-х гг. и самовольно водворявшихся в ситуации земельного простора и бесконфликтной коммуникативной социальной среды. К концу XIX столетия, в обстоятельствах массового переселенческого движения, достижение крестьянами экономического успеха не только пролонгировалось во времени, но и требовало значительных усилий агрикультурного характера.

В рецепции А.А. Кауфманом практик организации полеводства и способов севооборота в условиях зауральской среды, исходным является тезис об их пестроте и вариативности. Исследователь иронично замечал, что сибирское хозяйство и сибирский крестьянин представляют собой десятки типов «...также мало сходных между собой, как хозяйство Архангельской и Екатеринославской губерний, как крестьянин Петербургской дачной деревни, вятского промыслового селения и самарского черноземного села» [6, с. 2].

Вместе с тем, несмотря на очевидные различия в географическом положении, степени заселённости отдельных районов, А.А. Кауфман подчёркивал существование решающего фактора, определяющего продуктивность сельскохозяйственной экономики в Западной Сибири: земельный простор и качество почвенных условий, которые оказывают первостепенное влияние на склад земледельческого производства и системы полеводства [6, с. 2]. По констатации исследователя, своеобразным атмосферным фоном выбора места водворения и организации пашенного хозяйства крестьянами-переселенцами, являлось невмешательство сибирской общины в сельскохозяйственные практики субъектов земледелия, приоритет личной инициативы крестьянства в их реализации. Характернейшей чертой сибирского крестьянского хозяйства, писал А.А. Кауфман, является отсутствие неподвижной рутинной и неизменных, шаблонных порядков [6, с. 2]. Кауфман подчёркивал,

что крестьянское хозяйство в Западной Сибири представляет собой непрерывный опыт приспособления к природным, почвенным и климатическим условиям, поэтому севообороты характеризуются отсутствием всякой системы [6, с. 2–3].

Являясь сторонником тезиса о возможности правильной и относительно системной организации практик сибирского землепользования только в группах среднесостоятельных и зажиточных крестьян, А.А. Кауфман пришёл к выводу о существовании в границах Западной Сибири четырёх совершенно независимых друг от друга систем полеводства: хозяйство залоговое, которое ведётся на новых, ранее не пахавшихся землях; залежное, организованное после продолжительного отдыха почвы; полузалежное, когда почвы вовлекались в земельный оборот после краткосрочного перерыва в их обработке; беззалежное, предполагавшее эксплуатацию земли до полного истощения [6, с. 4–5].

В рамках отмеченных А.А. Кауфманом систем полеводства, формировались и разнообразные модели севооборотов, которые корректировались под воздействием климатических, геологических, орографических и гидрографических факторов.

По заключению Кауфмана, при практически повсеместном доминировании в Западной Сибири залежной системы, по мере движения к степным районам (Ишимский и Курганский округа), наблюдалась тенденция постепенного перехода к водворению хозяйства с навозным удобрением. Наличие данной тенденции, помимо степных областей Западной Сибири, А.А. Кауфман обнаруживал и в других районах, где почвы активно вовлекались в земледельческий оборот вследствие эскалации переселенческого движения: Туринском, Тобольском, Тюменском, Ялуторовском и Тарском округах Тобольской губернии [6, с. 18–19].

Общий вывод, к которому пришёл А.А. Кауфман, подтверждённый в том числе его исследованиями способов полеводства в Ишимском округе Тобольской губернии, заключался в том, что практики землепользования в Западной Сибири составляют последовательный ряд, демонстрировавший, как по мере сокращения количества годных для хлебопашества пустопорожных мест и постепенного истощения почвы распаханых полей совершается переход от экстенсивных форм залежной обработки земли к хозяйству, основанному на удобрении почв [9, с. 5].

Рассматривая переход к практикам хозяйства, основанного на применении навозного удобрения как явления прогрессивного, А.А. Кауфман указывал и на ряд объективных обстоятельств, сдерживавших продвижение данной новации в системе координат сибирского земледелия. Так, в описании агрикультурных приёмов землепользования крестьян Ишимского округа, исследователь отмечал бессистемность и отрывочность попыток применения удобрений в северной его части, что объяснялось проблематичностью вывоза навоза на поля, размещённые в большом отдалении как от мест постоянного проживания крестьян, так и друг от друга, а также влияние частых засух, приводивших к выгоранию посевов на удобренных угодьях [9, с. 17].

В этой связи, в исследовательской программе А.А. Кауфмана важное место занимал вопрос об агрономической поддержке крестьянства земледельческих районов Западной Сибири и агрикультурных действий самих земледельцев в аспекте формирования эффективных и экологосообразных систем землепользования.

По убеждению экономиста, правительственная организация агрономической помощи в России вообще и в Сибири, в частности, стартовала только в 1890-е гг. А.А. Кауфман скептически замечал: «вся история агрономической помощи до начала 90-х гг. XIX в. — это история отсутствия агрономической помощи» [3, с. 4]. В общероссийском масштабе А.А. Кауфман выделял три периода, в границах которых происходила кристаллизация принципов агрономического патернализма крестьянских практик землепользования, особого выделяя пореформенное время, когда агрономическая помощь стала прерогати-

вой земских учреждений, что позволило объединить действующие агрономические силы и вложить в сознание крестьян земледельческих губерний Европейской России понятия об эффективности рационального землепользования и природопользования [3, с. 12].

В то же время, применительно к агрикультурным практикам землепользования в азиатской части страны, эти оптимистические выводы, по мнению А.А. Кауфмана, имели лишь косвенное отношение, поскольку специфические природно-климатические и почвенные условия земледельческих местностей Зауралья опосредованно влияли на представления крестьян о стратегиях обработки пашни, используемых орудиях труда и технологиях земледелия.

Решая данную проблему, исследователь однозначно признавал, что обработка пашни в Сибири и западной земледельческой её части ведётся продуктивней, чем в Европейской России, что объясняется избытком рабочего скота и качеством земледельческих орудий труда, модернизированных сообразно с особенностями сибирских почв [4, с. 40]. Однако общий контекст социального и природного окружения, в котором оказывался сибирский землепашец, требовал от него внимательного и вариативного отношения к практическим агрикультурным действиям. В губерниях и областях Азиатской России отсутствовала земская организация, что исключало единую координацию производственной деятельности крестьян со стороны общества, в том числе профессиональной агрономии. Ссудная помощь крестьянству носила спорадический характер и в большей степени имела компенсационный формат (затраты на дорогу и т.д.). Кроме того, в процессе водворения, обустройства и стартового периода производственной деятельности крестьянство сталкивалось с объективными препятствиями, к разряду которых А.А. Кауфман причислял разнообразие климатических условий региона, по разному проявлявших себя в отдельных зонах (лесная, лесостепная, степная); глубокое, в сравнении с Россией, промерзание почвенного покрова, требовавшее соответствующей глубины и тщательности вспашки; засухи и вредные насекомые (кобылка), уничтожавшие посевы; обилие сорных трав, что было характерно для нови и практически незнакомо выходцам из европейской части империи [8, с.50].

Выстраивание агрикультурных практик крестьянского землепользования в Сибири, согласно рассуждениям А.А. Кауфмана — продолжительный во времени процесс, связанный с высоким уровнем адаптационного напряжения и максимальной готовностью сообщества региональных земледельцев к ответам на вызовы: социальные и природные. В данном отношении, А.А. Кауфман прогнозировал способность сибирского крестьянства приспосабливаться к конкретным условиям хозяйственной деятельности и вырабатывать адекватные формы и методы ведения пашенного производства. При этом, исследователь отмечал, что достижение экономического успеха крестьянином, возможно только при активной государственной поддержке его производственной деятельности, внедрении системных и повсеместных мер агрикультурной опеки регионального землепашества со стороны специалистов и общественных организаций [6, с. 25].

ВЫВОДЫ. Таким образом, в рецепции выдающегося российского экономиста и статистика А.А. Кауфмана, «площадками» репрезентации которой выступали авторские монографии, очерки и специализированные статьи, оказались запечатлены представления образованной части российского общества о формах и агрикультурных практиках крестьянского землепользования как важной составляющей части организации аграрного производства в Западной Сибири в условиях переселенческого процесса. Следует отметить, что позиция А.А. Кауфмана в решении аграрного вопроса в России и на её восточной периферии конструировалась в «шлейфе» пореформенного времени и «теории малых дел», ориентировавшей представителей российской научной интеллигенции к тесной коммуникации с крестьянством как главным субъектом аграрной колонизации второй половины XIX — начала XX вв. Это во многом определило рецептурный характер выво-

дов о состоянии крестьянского хозяйства в сельскохозяйственных районах Западной Сибири, что обеспечивалось активной включённостью авторов, в том числе А.А. Кауфмана, в широкую палитру общественного обсуждения аграрного вопроса. Принимая активное участие в экспертизе колонизируемых территорий Азиатской России, А.А. Кауфман демонстрировал не только личную компетентность в описании ситуации производственной деятельности сибирского крестьянства, но и готовность к её прогнозированию и моделированию, что способствовало принятию важных практических решений в сфере аграрного производства в Западной Сибири на государственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1976. 342 с.
2. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
3. Кауфман А.А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара: Тип. губ. земства, 1915. 32 с.
4. Кауфман А.А. Земля и культура. К вопросу о земельной реформе. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 88 с.
5. Кауфман А.А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М.: Тип. А.А. Мамонтова, 1898. 49 с.
6. Кауфман А.А. Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. № 6. 1893. С. 1-25.
7. Кауфман А.А. Община, переселения, статистика (сб. статей). М.: Издание Г. Лемана и Б. Плетнёва, 1915. 511 с.
8. Кауфман А.А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1894. 90 с.
9. Кауфман А.А. Очерк способов полеводства в Ишимском округе Тобольской губернии // Сельское хозяйство и лесоводство. № 6. 1889. С. 1-18.
10. Ленский Б. Крестьянские переселения // Дело. 1881. № 12. С. 26-44.
11. Португалов В.О. Двести лет спустя // Дело. 1881. № 8. С. 310-333.
12. Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
13. Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М.: НЛО, 2007. 368 с.
14. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
15. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

REFERENCES

1. Goryushkin L.M. *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900-1917)* [Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900-1917)]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1976. 342 s. (In Russian).
2. Isaev A.A. *Pereseleniya v russkom narodnom hozyajstve* [Migration in the Russian national economy]. SPb.: A. F. Cinzerling, 1891. 192 s. (In Russian).
3. Kaufman A.A. *Agronomicheskaya pomoshch' v Rossii. Istoriko-statisticheskij ocherk* [Agronomic assistance in Russia. Historical and statistical essay] Samara: Tip. gub. zemstva, 1915. 32 s. (In Russian).
4. Kaufman A.A. *Zemlya i kul'tura. K voprosu o zemel'noj reforme* [Land and culture. On the issue of land reform] M.: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1906. 88 s. (In Russian).
5. Kaufman A.A. *K voprosu o prichinah i veroyatnoj budushchnosti russkih pereselenij* [To the question of the causes and probable future of Russian migrations]. M.: Tip. A.A. Mamontova, 1898. 49 s. (In Russian).

6. Kaufman A.A. *Obzor sposobov polevodstva i sevooborotov v Zapadnoj Sibiri* [Review of field cultivation methods and crop rotations in Western Siberia] // *Sel'skoe hozyajstvo i lesovodstvo*. № 6. 1893. S. 1–25. (In Russian).
7. Kaufman A.A. *Obshchina, pereseleniya, statistika (sb. statej)* [Community, resettlement, statistics (collection of articles)]. M.: Izdanie G. Lemana i B. Pletnyova, 1915. 511 s. (In Russian).
8. Kaufman A.A. *Ocherk krest'yanskogo hozyajstva v Sibiri* [Essay on peasant economy in Siberia]. Tomsk: Tip. P.I. Makushina, 1894. 90 s. (In Russian).
9. Kaufman A.A. *Ocherk sposobov polevodstva v Ishimskom okruge Tobol'skoj gubernii* [Essay on methods of field cultivation in the Ishim district of the Tobolsk province] // *Sel'skoe hozyajstvo i lesovodstvo*. № 6. 1889. S. 1–18. (In Russian).
10. Lenskij B. *Krest'yanskie pereseleniya* [Peasant resettlements] // *Delo*. 1881. № 12. S.26–44. (In Russian).
11. Portugalov V.O. *Dvesti let spustya* [Two hundred years later] // *Delo*. 1881. № 8. S.310–133. (In Russian).
12. Remnyov A.V., Suvorova N.G. *Kolonizaciya Aziatskoj Rossii: imperskie i nacional'nye scenarii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. Omsk: Izdatel'skij dom «Nauka», 2013. 248 s. (In Russian).
13. *Sibir' v sostave Rossijskoj imperii* [Siberia within the Russian Empire] // *Otv. red. L.M. Dameshek, A.V. Remnyov*. M.: NLO, 2007. 368 s. (In Russian).
14. Churkin M.K. *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo centra Evropejskoj Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migracionnoj mobil'nosti i adaptacii* [Resettlement of Peasants from the Black Earth Center of European Russia to Western Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Determining Factors of Migration Mobility and Adaptation]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2006. 376 s. (In Russian).
15. Yadrincev N.M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2003. 555 s. (In Russian).